

Нюта
ЦАРЕВА

Анна
БИГСИ

ФРЕНДЗОНА

*Притворись
моей*

Нюта Царёва

Френдзона. Притворись моей

«Литнет»

2025

Царёва Н.

Френдзона. Притворись моей / Н. Царёва — «Литнет», 2025

— Детка, давай встречаться? Мое глупое сердце врезается в ребра. Неужели... он понял, что я люблю его, и решил... ? — Понарошку, конечно! — Янис разбивает мои надежды вдребезги. — Притворись моей на время. — Фиктивные отношения? Но почему я? — Ты единственная, кому я могу доверять. Он предлагает мне роль в своем спектакле, даже не подозревая, что для меня это не игра. — Плохая идея, Янис, — шепчу я. — Именно поэтому сработает! Для него это шахматная партия, а для меня игра в русскую рулетку. На кону мое сердце, а проигрыш будет означать, что я потеряю его навсегда.

Содержание

Глава 1. Янис	5
Глава 2. Янис	9
Глава 3. Анна	11
Глава 4. Янис	14
Глава 5. Анна	18
Глава 6. Янис	21
Глава 7. Анна	24
Глава 8. Янис	27
Глава 9. Анна	29
Глава 10. Янис	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Янис

Утро давно наступило, но серое осеннее небо упорно не пропускает солнце. Я зеваю, широко, до хруста в челюсти, и смахиваю накопившуюся за ночь влагу с приборной панели. В машине пахнет женскими духами, дымом и усталостью.

— Так где тебя высадить? — бросаю взгляд на девушку на пассажирском сиденье.

Она что-то бормочет, поправляя растрепанные волосы. Кажется, ее зовут Катя. Или Марина. Хрен знает. Память отказывается выуживать из вчерашнего алкогольного тумана что-то, кроме обрывков: громкая музыка в клубе, ее навязчивый смех, такси до моего дома...

Подъезжаю к метро и останавливаюсь. Девушка неловко кренился вперед.

— Ну, я тогда... — тянется к моей щеке, но я уже отворачиваюсь, делая вид, что смотрю в зеркало заднего вида.

— Ага. Позвоню, — бросаю я безразличным тоном.

Она на секунду замирает, потом, натянув на лицо что-то вроде улыбки, вылезает из машины и неуверенно машет рукой. Я давлю на газ, и ее силуэт быстро уменьшается в зеркале. Не помню, когда я в последний раз звонил кому-то из них. Они почему-то все равно верят.

Слякоть под колесами и противный осенний дождь. Поздняя осень самое мерзкое время года. Холодно, грязно, а до снега, как до Луны.

Врубаю печку на полную, а все равно промозглость пробирает до костей. Голова гудит, веки налиты свинцом. Полночи в клубе, а потом еще и эта... заряд бодрости на всю оставшуюся ночь. Глупо, конечно. Но скучно не было.

Паркуюсь у знакомого авто-кафе. Опускаю стекло. Утренний холодный воздух бьет в лицо.

— Эспрессо двойной, малиновый капучино и бутылка воды, — говорю я парню. Голос хриплый, прожженный.

Делаю большой глоток ледяной воды, потом — обжигающего кофе. Похмелья нет, просто дикая усталость, будто меня переехал каток.

«Янис, мой мальчик, когда ты возьмешься за голову» — звучит в ушах скрипучий голос бабушки. Неприятно морщусь, отгоняя воспоминание и перестраиваюсь в крайний правый.

Паркуюсь на почти забитой стоянке у института, глушу двигатель. Несколько минут просто сижу в тишине, уставившись в одну точку, пытаюсь заставить мозг заработать, но тщетно.

Зажигаю сигарету, откидываюсь на спинку и пью свой горячий крепкий кофе, чтобы хоть мотор проснулся. Докуриваю, с раздражением глядя на дождь за стеклом. Вылезаю из машины, прихватываю второй стакан.

Промозглая влага тут же лезет под воротник кожаной куртки. Ускоряю шаг, проклиная погоду и себя за то, что не остался дома. В голове крутится только одна мысль: сейчас бы найти тихий уголок в институте и банально проспать первую пару.

В фойе шумно и тепло. Наши уже на месте: Раф, Туз, Пашка. Стоят кучкой, оживленно о чем-то спорят.

— Здравова, — подхожу, хлопаю Рафа по плечу, потом Пашку. — Что я пропустил веселого?

— О, Янис! — оборачивается Туз, и на его лице играет ухмылка. — У нас, говорят, пополнение.

— В смысле? — округляю глаза, делая вид, что не понимаю. — Залетел кто? Надо на аборт скинуться?

— Дурак, что ли! — парни дружно ржут. — Кто-то перевелся к нам на курс. Свежая кровь.

— О как, — на моем лице появляется дерзкая ухмылка. — Надеюсь, этот «кто-то» женского пола?

— Определенно, — многозначительно кидает Туз, подмигивая.

И в этот момент чьи-то ледяные, прямо с улицы, ладони плотно закрывают мне глаза. Мгновенно узнаю эту дерзкую девчонку.

— А вот и Ньюша пожаловала, — смеюсь я, не пытаюсь даже вырваться.

— Если я Ньюша, тогда ты точно Бараш, — слышу сзади ее голос, и она отпускает меня, чтобы легонько ткнуть кулаком в плечо.

Парни снова заходятся хохотом. Я тоже ржу.

— Держи, бро, — протягиваю ей стакан с ее любимым капучино.

— Ой, спасибо! — Аня берет его обеими руками, чтобы согреть ладони, и небрежно, по-дружески чмокает меня в щеку. — Ты настоящий друг.

— То-то же, — фыркаю я. — А то Бараш.

— Вы чего тут столпились, как на параде? — Аня смотрит на часы, делая серьезное лицо. — Пара ведь вот-вот начнется.

— Тихомира ждем, — поясняет Пашка.

— А, ясно, — Аня понимающе улыбается. — Ну, я тогда побежала, мне еще подготовиться надо.

— Эй, Ань! — окликает ее Рафаэль. — После пар ждем вас с Илианой на репу. У нас новая песня.

— Да, я помню. Обязательно придем!

Она разворачивается и пулей сбегает дальше по коридору. Я смотрю ей вслед и не могу сдержать ухмылки. С ней всегда как-то... светло. Никакой мороки.

— А че ты с ней не замутишь? — вдруг слышу за спиной голос Рафа. Подкалывает, сволочь.

Медленно поворачиваюсь к нему, поднимая одну бровь.

— Кто — я? — переспрашиваю я с нарочитым недоумением.

— Ну не я же, — друг фыркает. — Классная же девчонка.

— Согласен на все сто, — киваю я, и ухмылка сама по себе расплзается по лицу. — Но мы друзья. А это, бро, гораздо ценнее, чем какой-нибудь разовый перепихон.

— Почему обязательно разовый? — вставляет свое слово Туз, подключаясь к разговору.

— Потому что, — развожу руками, — других видов отношений для меня не существует. Сплошной экшен, нон-стоп. А там, где начинаются «серьезные разговоры» и «чувства», — там заканчиваюсь я.

В фойе вваливаются Тихомир с Илианой, буквально в обнимку. Оба сияют, как два переспелых помидора на солнце. Ну просто тошно.

— Вас что, в котел со счастьем окунули? — смотрю на них с преувеличенным отвращением. Мое лицо отказывается изображать такую же дурацкую улыбку.

— Ага, — беззаботно хмыкает Тихомир, целуя Илиану в висок. — И не вытащимся. Всем привет, кстати.

— Мальчики, привет, — Илиана высвобождается из объятий, поправляя сумку. — Я побежала, меня девочки ждут!

И она, послав всем воздушный поцелуй, скрывается в толпе. Тихомир провожает ее влюбленным взглядом, потом оборачивается к нам.

— Чего стоим? — вопросительно дергает бровью, делая вид, что не в курсе.

— Вообще-то тебя ждем, морда ты наглая! — смеюсь я и легонько бью его по плечу.

— Так, все, дождались, — Тих хлопает в ладоши. — Теперь ускоряемся, а то опоздаем и получим выговор!

— Ага, очередной, — ржет Пашка.

Гурьбой, смеясь и толкаясь, движемся по коридору к аудитории. Вваливаемся внутрь за секунду до прихода препода. Задние ряды, наши законные места. Сажусь, кладу ноги на перекладину впереди стоящей парты — классика. Препода начинает свой монолог, голос у него ровный, монотонный, как гудение холодильника. Глаза сами слипаются. Голова тяжелеет и предательски клонится к груди.

— Ян, — шипит мне в ухо Туз и больно пихает локтем в бок. — Не спи! Потом от декана влетит.

С трудом открываю глаза, смотрю на него мутным взглядом.

— Отстань... — бормочу я. — Эта фигня никому не нужна...

И снова начинаю медленно, но верно проваливаться в сладкую дрему. Борьба со сном мой главный университетский спорт. И сегодня я явно проигрываю.

День проходит в привычной полудреме на парах и таких же привычных разборках с преподами. К концу последней пары я уже измотан, как после десятираундового боя, и мечтаю только о двух вещах: о кровати и о том, чтобы эта серая мгла за окном наконец поглотила город без остатка.

Но вместо кровати нас ждет репетиционная. Я бы с радостью свалил, но надо поддержать друзей, да и послушать их новую песню любопытно.

В репетиционке многолюдно. Вся наша компания почти собралась. Парни настраивают инструменты, заполняя пространство какофонией разрозненных звуков. Тася, новая солистка и по совместительству сводная Рафаэля, что-то напевает. Это ее песню будут исполнять.

Аня и Илиана устраиваются на стареньком потертом диване, болтают ногами и о чем-то оживленно шепчутся. Я плюхаюсь рядом, разваливаясь, как тюфяк.

— Зритель готов, можете начинать, — лениво бросаю я в сторону сцены.

Раф что-то кричит в ответ, но его слова тонут в первом же мощном аккорде. Песня и правда получается зачетная. Энергичная и со смыслом. Голоса Таси и Тиха сплетаются в идеальный дуэт. Я слушаю, отбивая ритм каблуком по полу, и невольно улыбаюсь. Фестиваль будет наш.

Илиана, подхватив общий настрой, начинает подтанцовывать, сидя на месте. Аня, заразившись ее энергией, присоединяется. Их смех звенит громче тарелок.

— Ян, не спи, — прилетает мне плечом от Ани. — Репетируем группу поддержки.

С проклятием, но с той же глупой ухмылкой вливаюсь в их безумие. На ходу придумываем дурацкие движения и синхронно выполняем. Парни, глядя на нас ржут.

Виброзвонок прерывает веселье. Музыка не смолкает, но наш танец замирает. Телефон лежит на моей куртке, брошенной на подоконник. Аня оказывается ближе всех. Поднимает его, и ее улыбка становится провокационной, когда она смотрит на экран.

— Ян, твой, — многозначительно дергает бровями. — Какая-то Анжелика...

Словно по щелчку кто-то выключает свет и бьет под дых. Весь воздух выходит из легких.

— Фак, — вырывается у меня хрипло. Голос срывается. Я чувствую, как мышцы на лице сами натягиваются в привычную, холодную маску. Внутри все сжимается в тугую, болезненный комок. — Дай сюда.

Грубо выхватываю телефон у Ани и ни слова не говоря, выхожу из зала. Грохочущая музыка сразу стихает, словно кто-то захлопывает за мной дверь в другой мир.

Стою в холодном, пустом коридоре, глядя на мигающий экран. Имя горит не на экране, пылает клеймом на моем сердце. Несколько мучительно долгих секунд раздумываю ответить или... Вру, не думаю ни секунды, тупо боюсь услышать ее голос.

— Внимательно, — выходит хрипло, но равнодушно.

— Янис... — голос Лики сладкий, как сироп и все так же пробирает до мурашек. — Я вернулась.

**Не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение и ставить "нравится", если книга вас зацепила. Нам с Музом это очень важно
♥#♥#♥#**

Глава 2. Янис

— Кто это? — выдавливаю из себя, вкладывая всю равнодушность, на какую способен. Фальшь режет собственные уши, но это лучше, чем дать ей услышать, как сжимается горло.

Стремительно иду по коридору, мне надо на воздух.

— Да брось, — мурлычет в динамике тот самый голос, от которого когда-то замирало сердце, а теперь лишь холодеет кровь. — Тебе не идет. Я же чувствую, что ты не смог меня забыть.

Сжимаю телефон так, что костяшки белеют, и чувствую, как предательски учащается пульс. Самое страшное, что эта стерва права. Я ни черта не забыл. Как боготворил ее, считал единственной, едва ли не святой, а она... Воспоминания, словно раскаленные иглы, вонзаются в мозг. Ее смех. Ее обещания. А потом холодные глаза, когда я застучал ее в постели с Тихомиром. Она предала меня с моим же другом, а потом просто свалила за границу, оставив с разбитым сердцем и растоптанным доверием. А теперь смеет звонить, как ни в чем не бывало.

— Забудь этот номер, — бросаю я, и голос предательски срывается на хрип. Ненавижу себя за эту слабость.

Выхожу из здания и сразу прикуриваю сигарету.

— Янис, подожди. Нам нужно встретиться.

«Нам». Какое нахрен «нам»?

— Не нужно.

Сбрасываю звонок, и тишина, наступившая после, давит на уши. Руки предательски трясутся, делаю глубокую затяжку, пытаюсь заглушить адскую смесь ярости и старой обиды, что сидела глубоко внутри, а теперь вырывается на свободу. Она все еще здесь, эта боль. Глупая, детская, но живая. Как заноза в самом сердце, которую я так и не сумел вытащить.

Случайно поднимаю взгляд и вижу в окне Аню. Она, как лучик в этом дерьмовом дне, смотрит на меня, улыбается и машет. Как эта девчонка сумела пробраться под толстый панцирь до сих пор не понимаю, но ей удалось стать моим другом.

В пару затяжек докуриваю и выбрасываю окурочек, резким движением стираю с лица все следы смятения и возвращаюсь в зал, надевая привычную маску безразличия.

Дверь захлопывается за мной с оглушительным стуком. Взгляды присутствующих, как шипы, впиваются в меня.

— Что? — бросаю раздраженно, заранее злясь на их участие. — Проблемы?

— Все в порядке? — Аня смотрит на меня с неподдельной тревогой, от которой становится еще гаже.

— Вообще-то да, — огрызаюсь я, от того, что внутри все еще бушует ураган. Подхожу к кулеру, наливаю воду в пластиковый стакан и залпом выпиваю. Вода кажется горькой, как полынь и слишком холодной.

— Что она хотела, Ян? — голос Тихомира режет, как бритва.

Он все понял. Конечно, как же иначе. Гнев снова подкатывает к горлу и опаляет. Хочется сорваться и обвинить друга во всем, но... мы все уже выяснили. Негатива не осталось, просто меня терзают призраки прошлого.

— Я не спросил, — отвечаю зло и мой взгляд становится ледяным. — Но номер прежний. Можешь позвонить ей и спросить, раз уж тебе так интересно.

— Ян, слушай... — Тих подходит ближе и говорит тише, чтобы слышал только я. — Это все в прошлом. Давай без драм, ладно?

И этого оказывается достаточно. Та самая старая рана, которую он когда-то нанес, разрывается с новой силой. Что-то во мне обрывается. Я резко оборачиваюсь к нему.

— Заткнись, Тихир! — цежу я сквозь зубы. — Ты нихрена не понимаешь! Никогда не понимал!

Напряжение нарастает, висит в воздухе густым, удушающим туманом. Парни замирают. Я вижу их напряженные лица и понимаю, что сейчас сорвусь окончательно.

— Все, я пошел.

Разворачиваюсь и выхожу, оставляя за спиной гробовую тишину.

Спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Холодный воздух обжигает легкие. Достая еще одну сигарету, руки все еще дрожат. Стою, сжавшись, пытаюсь совладать с внутренней бурей. Лица вернулась. Та, что разбила меня на тысячу осколков, которые я до сих пор, как идиот, не смог склеить.

Слышу за спиной осторожные шаги. Оборачиваюсь — Аня. На ней только тонкая кофта, она ежится от холода, губы дрожат. Как дите малое!

— Ты что выперлась? Холодно же, — говорю я, и звучит это грубее, чем я предполагал. Мне хочется, чтобы она ушла, немедленно. И в то же время, чтобы осталась.

— Теб-бя под-держать, — зуб на зуб не попадает.

Снисходительно закатываю глаза. Это ее чертово благородство, глупая, бескорыстная забота, которой я совсем не достоин. Сердце сжимается, и я не выдерживаю.

— Иди сюда, чудовище, — вздыхаю я, сдаваясь, и распахиваю куртку.

Аня подходит, и я укутываю ее в объятия, прижимая к себе, чтобы согреть. Она такая маленькая и хрупкая, и пахнет чем-то простым и чистым. И совсем не похожим на всех других.

— Хочешь поговорить? — тихо спрашивает Аня, уткнувшись лицом в мою грудь.

— Не сейчас, — устало отвечаю я. Только психотерапевта мне не хватало.

— Я переживаю.

Знаю, но не могу помочь. Анютка хорошая девчонка, а я сломан, и острые осколки Лики все еще торчат из меня, раня всех, кто подходит слишком близко.

— Все со мной нормально, — усмехаюсь я. — Просто... — тщательно подбираю слова, чтобы не обидеть друга. — Перебешусь немного и завтра буду как новенький.

Она просто кивает, не выпуская меня из объятий, не требуя объяснений. И в этой тихой, немой поддержке есть что-то, что растапливает лед внутри меня. Совсем чуть-чуть. Достаточно, чтобы снова почувствовать боль. Сжимаю зубы и немного отстраняюсь.

— Тебя подвезти?

Мне вдруг отчаянно не хочется отпускать ее одну в этот промозглый вечер. Аня поворачивается ко мне, и на ее лице расцветает та самая искренняя улыбка, которая согревает меня.

— Не откажусь, — легко соглашается она.

— Отлично, иди собирайся.

— Вальтер! — голос старосты режет тишину двора. — К декану. Срочно.

Внутри все обрывается. Ну что опять случилось? Я вроде сильно не косячил. Я сжимаю кулаки в карманах, чувствуя, как гнев, едва утихший после разговора с Ликой, снова поднимается волной.

— Прости, бро, — говорю Ане с раздражением, которое даже не пытаюсь скрыть.

— Ничего, — отмахивается она, но я вижу легкую тень разочарования в ее глазах. — Сама дойду.

Я заталкиваю ее обратно в здание, чтобы не мерзла и иду к декану, остро чувствуя запах приближающегося трешака.

Глава 3. Анна

Возвращаюсь в репетиционный зал за вещами. Воздух все еще звенит от музыки, а в голове гулко отзывается хриловатый голос Яниса. Пусто. Он ушел, а у меня внутри поселилась странная тревога, которую я списываю на усталость.

Нужно спешить домой, скоро должен подъехать отец, сегодня ровно десять лет с того момента, как не стало мамы, и мы договорились заехать на кладбище, а потом посидеть в ресторане. Мы редко встречаемся с отцом в последнее время, я живу в общежитии, а он всегда занят на работе, должность прокурора обязывает.

— Ничего себе Аня то у нас какая-то загруженная вернулась, — возвращает меня в реальность Туз. — Яниса—то где потеряла?

— Сопли небось утирала, — ржет Раф, лениво перебирая клавиши.

— Да отстаньте вы, — отмахиваюсь, пытаюсь не показать раздражения. — А Яниса, кстати, в деканат позвали зачем—то...

— Мда-а-а, не его день сегодня, явно — сокрушается Тихомир и снова берет гитару. — Ну что, отдохнули? Фестиваль совсем скоро, а у нас еще слишком сыро. Продолжаем.

Я улыбаюсь краешком губ. Эти вечные подколы и шутки уже стали привычной фоновой музыкой нашей компании.

— Все ребят, я побежала, — целую Тасю и Илиану в щеку и выскальзываю из репетиционки.

Выбегаю из института и иду в сторону общежития. На улице прохладно и сыро, пасмурное небо словно давит сверху, а капли мороси висят в воздухе. Втягиваю ладони в рукава куртки и вспоминаю, как тепло было в объятиях Яниса и даже правильно, словно так и должно быть. Но реальность немного не такая, в реальности у него бесконечный шлейф одноразовых девиц, и я не хочу быть одной из них.

Ничего нового не случилось, но звонок от Анжелики меня почему-то задел. Янис мне нравится, очень, но статус наших отношений четко определен — мы друзья. Всех это устраивает. Хотя, кому я вру? Меня совсем не устраивает.

Каждый его взгляд, каждое небрежное «бро» ощущается, как тонкий укол. Я стараюсь не показывать, что чувствую. Мои робкие попытки проявить заботу упираются в его броню безразличия, и я снова становлюсь «удобной». Янис считает меня другом, и точка. Возможно так действительно лучше для всех, зато мое сердце не разобьется. Остается тешить себя мыслью, что любовь приходит и уходит, а дружба может длиться всю жизнь.

Да, меня все устраивает! В конце концов, кофе в институт не каждой девушке приносят, а для меня Янис сделал это ритуалом.

Уговорив себя, немного ускоряюсь и совсем скоро подхожу к общежитию. Папина машина стоит у входа и ждет меня. Тем лучше, быстрее закончится обязательная программа сегодняшнего вечера — быстрее я вернусь к своим делам.

Открываю заднюю дверь, чтобы закинуть рюкзак, на сиденье лежит шикарный букет из роз. Четное количество. В груди болезненно тянет, как и всегда, когда я думаю о маме. Вдыхаю и усаживаюсь на пассажирское кресло рядом с отцом.

— Привет. Давно ждешь?

— Привет. Минут десять и уже собирался тебе позвонить, — он бросает взгляд на часы. — К сожалению, сегодня у меня совсем мало времени, поэтому, действуем по сокращенной программе, — чеканит каждое слово.

— Тогда поехали. — Обреченно вздыхаю и пристегиваюсь.

Фразу «сокращенная программа» я слышу так часто, что она стала синонимом наших встреч.

Машина плавно трогается. Сквозь стекло тянутся мокрые улицы, свет фар дробится на каплях.

— Как дела в институте? — официальный вопрос.

— Все отлично, пап, — такой же ответ. — Пока идем на красный диплом.

— Пока? — лукаво усмехается он.

— Без «пока», — заверяю я его.

Моя учеба — целиком и полностью моя заслуга. Отец никогда не дает взятки и не помогает мне пробиться. Даже наоборот считает, что только своим трудом и знаниями можно добиться успеха. Я не спорю, в какой-то мере согласна с ним, хотя иногда бывает и тяжело.

— Я в тебе не сомневался, дочь, — в голосе слышится теплота. — Мама бы гордилась тобой.

— Да, наверное, — очередной грустный вздох слетает с моих губ.

— А что на личном фронте? Мальчика не нашла себе?

Закатываю глаза и чуть сжимаю кулаки. Как только закончились разговоры о половом созревании, начались про мальчиков. Он что правда считает, что я буду с ним обсуждать мальчиков? Лекции о презервативах мне хватило навсегда.

— Пап, не до мальчиков пока, — отмахиваюсь я. — Мы же договорились с тобой, что сначала учеба, а потом уже отношения. Я слово держу.

— Правильно, успеешь еще. Всему свое время, — довольно кивает. — Как подружки твои? Как Илиана?

— Все хорошо. Они с Тихомиром счастливы вместе.

— Ну, дай Бог. — коротко кивает отец. — Хороший он парень.

Мы останавливаемся перед воротами кладбища. Десять лет. Каждый год и одно и то же место, один и тот же маршрут, один и тот же разговор. Пока стоим у могилы, я не плачу. Кажется, слезы давно закончились. Осталась только тяжесть, привычная, как дыхание.

Отец кладет цветы, поправляет галстук, будто проверяет форму перед строем. Я его отражение, тот же выученный контроль. Когда мама умерла, он стал мне всем - и семьей, и судьей. Научил меня держать удар, водить машину и не показывать слабость. А еще, что чувства всегда мешают делу.

Через час мы паркуемся перед «Хижиной» — любимым рестораном моих родителей. И это тоже традиция, которой мы не изменяли ни разу за все эти десять лет. Когда—то в этом ресторане познакомились мои родители, там же папа сделал маме предложение и все самые важные события нашей маленькой семьи отмечались под аккорды грузинских песен и аромат хмели—сунели. Наверное, поэтому я так люблю эту кухню, она пахнет счастьем, которого давно нет.

Внутри уютно, пахнет специями и жареным тестом. Столик был забронирован заранее и наш ужин ждет нас. Мы садимся и начинаем вспоминать самые лучшие моменты нашей счастливой семьи. Каждый год одно и тоже... сценарий, устраивающий нас обоих.

— Ну все, дочь, мне пора ехать, — говорит отец, нервно глядя на часы. — Сейчас оплачу счет и отвезу тебя в общежитие.

— Наверное, не надо, пап, я посижу еще немного. Хочется побыть одной. Тем более в программе живая музыка.

Отец с сомнением смотрит на меня.

— Да не переживай, время еще совсем детское. Я не буду задерживаться.

— Хорошо, но мне обязательно позвони. — Отец накидывает куртку и направляется к выходу, чуть не сталкиваясь с колоритной парой, что входит в ресторан.

Парень явно на взводе, а девушка, довольно хохоча ведет его за дальний столик. Он пытается обнять свою спутницу, его руки скользят по ее бокам, он что—то хрипло шепчет ей на ухо, и она заливается смехом.

Я замираю, вжавшись в спинку стула, потому что узнаю в этом парне Яниса. А рядом кто? «Очередная» на вечер... Электрический заряд пробивает все мое тело миллионом острых иголок. Дыхание перехватывает, не хватает воздуха.

«Только бы он меня не заметил!» Мысль проносится стремительно, едва успев сформироваться. Я резко вскакиваю, хватаю куртку и, не оборачиваясь, вылетаю на улицу. Подбегаю к уже заведенной машине отца, стучу пальцами по стеклу.

— Пап, я передумала. Вспомнила, что завтра семинар важный перед зачетом, лучше подготовлюсь. Отвези меня в общагу.

— Вот и хорошо, да и мне так спокойней будет, — улыбается он. — Видела парочку, которая чуть не снесла меня в дверях ресторана?

— Ну так, краем глаза. — выдавливаю я.

— Типичный пример нынешней «золотой молодежи», от которой я старался тебя оберегать всю жизнь, — строго говорит отец и трогается с места. — Такому выродку я никогда не позволю быть рядом с моей дочерью.

Я киваю, как робот. Говорю, что—то дежурное, «по шаблону». Я хорошо знаю своего отца и говорю часто то, что он хочет слышать. Внутри все гудит. Хочется выть, бить по стеклу, кричать, но я сижу и спокойно обсуждаю планы на семинар. Смотрю на огни города за окном, на отражение собственного лица и понимаю, что за десять лет научилась быть идеальной дочерью. И впервые от этого устала.

Но почему меня так задела эта сцена? Я же знаю, что Янис меняет девочек, как перчатки. Он и сам всегда мне рассказывает о каких-нибудь подробностях. А если это та Анжелика? Холодок прокатывает по спине, дергаю плечами, чтобы скинуть наваждение.

Мне все равно, с кем Янис проводит время, мы — друзья. А у меня, наверное, просто сложный день и накопившиеся эмоции... Завтра все встанет на свои места, но в одном моя уверенность сильно пошатнулась, и подкрались сомнения...

А бывает ли она на самом деле дружба между парнем и девушкой?

Глава 4. Янис

Дверь в кабинет декана закрывается за мной с таким глухим стуком, будто это крышка гроба. Воздух спертый, пахнет пылью и чернилами для печатей. Декан и мой «любимый» препода по международному публичному праву, Кротов, смотрят на меня так, будто я только что сорвал дипломатические переговоры на высшем уровне.

— Янис, — начинает декан, перебирая бумаги. — У нас накопились вопросы. Преподаватель отказывается вас аттестовать.

Кротов, щурясь своими маленькими глазками-буравчиками, кивает.

— Постоянные прогулы. Материал не усвоен. Объясните мне принцип соблюдения договоренностей в контексте Венской конвенции 1969 года?

Я фыркаю, закатывая глаза. Этот зануда и его дурацкие договоры.

— Сейчас не до конвенций. Обещаю, все исправлю.

Мысленно добавляю «решить вопрос с Кротовым» в свой список дел. Варианты уже рисуются в голове — от банальной взятки до парочки компрометирующих фото. Этот тип явно не святой, и скорее всего есть лазейки. Надо поспрашивать у старшекурсников.

— Смотрите, Вальтер, — голос декана становится жестче. — Следующая провинность и будем решать вопрос о вашем отчислении. Ясно?

Ну да, конечно. Отчислении. Да они столько получают от моей матери за обучение... Похер, пляшем. День и так выдался дерьмовый, а тут еще этот цирк.

Выхожу из кабинета, едва сдерживая ярость. Все через одно место и наваливает со всех сторон. Может что-то там с Меркурием приключилось? Не может же так тотально сыпать неприятностями на башку?

Погружаюсь в свои мысли, выходя в коридор, что едва не врезаюсь в кого-то.

— Осторожнее! — рявкаю, отскакивая.

И замираю. Ледяная волна накатывает на меня, сковывая каждый мускул. Передо мной стоит Анжелика. Расплывается в довольной ухмылке и небрежно окидывает свои длинные темные волосы за плечо.

— Здравствуй, Янис, — ее глаза игриво прищуриваются.

— Ты? — вырывается у меня хрипло. — Зачем ты приперлась? Я же сказал...

— А я и не к тебе вовсе, — невинно хлопает ресницами. — Я документы подала. Буду здесь учиться.

— Чего? — я не верю своим ушам. Это какой-то бред. — Охренела, что ли? Вали отсюда!

— Фу, как грубо, — Лика притворно морщит нос, и этот жест до боли знаком. — Янис, тебе не идет.

— Проваливай, — рычу я, чувствуя, как нарастает злость. — Такой развод мне не интересен.

— Я серьезно, вообще-то, — ее улыбка становится шире, достает из сумки заламинированную карточку и протягивает мне. — Вот, полюбуйся.

Я почти выхватываю ее. Студенческий билет. Ее фото. Ее имя. Факультет. Второй курс. Мой факультет. Мой курс. Фа-ак!

— Сука, — цежу сквозь стиснутые зубы, сжимая пластик так, что он вот-вот треснет. Голос дрожит от ярости и чего-то еще, чего я не хочу признавать. — Как же ты... тварь.

— Янис, не будь таким, — Лика смеется, и этот звук будто царапает мозг. — Покажи мне здесь все, будь другом.

— Пошла ты, шалава, — бросаю я, разворачиваюсь и ухожу.

Сажусь в машину, захлопываю дверь. Руки трясутся, давлю на кнопку, заводя двигатель и давлю на газ. Машина рычит, срываясь с парковки. Я еду агрессивно, выжимаю скорость, резко перестраиваюсь, подрезаю кого-то, но мне плевать, потому что нужна доза адреналина, которая вернет меня в реальность.

Меня трясет от того, что видел ее так близко, что мог прикоснуться, что мое тело, предательское дерьмо, помнит ее запах, ее кожу, и отчаянно хотело снова ощутить. И я ненавижу себя за эту слабость и ее за то, что вернулась, чтобы снова меня сломать.

Я мчусь по мокрому асфальту, но не могу уехать от самого себя и от осознания того, что самый страшный кошмар только что стал реальностью. Анжелика вернулась в мою жизнь.

Еду домой, а в голове одна только мысль, может еще не поздно подорваться и свалить куда-то в другую галактику. Похер куда, главное, чтобы ее там не было. Но я так не поступлю, не доставлю этой гадине такого удовольствия. Больше она меня не нагнет.

Бросаю тачку посередине двора и врываюсь в дом, как ураган, с грохотом захлопывая дверь. Внутри пахнет дорогим табаком и холодным высокомерием. Воздух тяжелый, неподвижный, как в гробнице.

Из гостиной доносится спокойный, маслянистый голос, от которого по спине бегут мурашки.

— Янис. Какая неожиданность. Я думал, ты сегодня снова не приедешь ночевать.

Мой отчим, Артем Викторович, стоит у камина с бокалом коньяка в руке. Он в халате, но выглядит так, будто готовится заседать в совете директоров. Взгляд холодный, оценивающий скользит по мне, будто я не сын его жены, а неудачная покупка, которую пора списать.

— Поменял планы, — бросаю коротко, направляясь к лестнице. Мне нужно в свою комнату, остаться наедине с собой и попробовать перемолоть все случившееся.

— Слышал тебя могут отчислить, — его голос останавливает меня на полпути. Отчим делает паузу перед словом «отчислить», вкладывая в него всю возможную язвительность. — Не подведи фамилию. Хотя, с твоими-то способностями...

Я медленно поворачиваюсь. Он смотрит на меня с той самой, знакомой до тошноты, ухмылкой.

— Я справлюсь, — цежу сквозь зубы.

— Конечно, справишься, — делает глоток коньяка, не отводя от меня глаз. — На что-то же надо тратить деньги, которые я зарабатываю. Твой же отец тебя не обеспечил.

— Не трогай моего отца, — вырывается у меня, а руки сжимаются в кулаки.

Отчим поднимает бровь, изображая наигранное удивление.

— Я всего лишь констатирую факты. Ты живешь в моем доме, едешь на машине, которую я оплатил, учишься за мои средства. А ведешь себя как... мажор. Бездельник, не оправдывающий и сотой доли тех возможностей, что в него вложили.

Каждое слово, как пощечина. Самый болезненный удар про отца. Он в мои годы уже рулил семейным бизнесом. А я... терплю унижения от этого урода в своем же доме.

Чувствую, как красная пелена застилает глаза. Каждая клетка тела требует дать сдачи, врезать этому самодовольному лицемеру по холеному фейсу и заткнуть ему рот. Но я сжимаю челюсти так, что они хрустят. Глотаю ком ярости, стоящий в горле и шумно втягиваю воздух.

Нет. Не сейчас. Не могу.

Через несколько месяцев мне исполняется двадцать. И все это: этот дом, бизнес, свобода — станет моим по праву. Отец все предусмотрел в завещании. Этот урод знает это и пытается меня спровоцировать, вывести из себя, чтобы я наделал глупостей. Чтобы у него были основания оспорить наследство, признать меня неспособным, неуравновешенным и все такое.

Он только и ждет, чтобы я сорвался. Чтобы утопил меня в судах и сплетнях.

— Что же ты молчишь? — отчим подходит ближе. От него пахнет дорогим парфюмом и властью. — Нет слов? Или, как всегда, предпочитаешь отсиживаться в своей норе?

Я отступаю на шаг. Это не трусость. Это тактика.

— Не хочу марать руки. У меня дела, — мой голос неестественно ровный. Я поворачиваюсь к нему спиной и снова иду к двери. Лучше здесь не оставаться. Каждый шаг дается с трудом. Я чувствую его ненавидящий взгляд у себя между лопаток.

— Беги, Янис, — слышу голос за спиной. — Беги, ты такой же трус, как и твой отец.

Я захлопываю входную дверь, прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза. Дышу тяжело, прерывисто. В ушах стучит кровь. Отчим добился своего, снова заставил меня чувствовать себя дерьмом. Гостем в собственном доме, мальчишкой, которого терпят из милости.

Но я все стерплю. Я буду глотать это дерьмо с улыбкой еще несколько месяцев, потому что назад дороги нет. Потому что, когда я получу свое, первое, что я сделаю...

Я открываю глаза и смотрю на машину передо мной.

...я выставлю этого урода за дверь. И посмотрю, как он сам сбежит.

Отдохнуть не вышло. Снова прыгаю в тачку и пишу парням сообщение. Но никто сегодня не тусит, как специально. Ладно, придется пойти другим путем.

Давлю на газ и с пробуксовкой срываюсь с места. Город превращается в размытое полотно из огней и теней. Скорость заглушает внутренний вой, но не гасит его. Он горит в груди раскаленным шлаком. Лирика, препод, отчим. Их лица сплетаются в одно уродливое полотно предательства и унижения.

Глаза начинают болеть, слипаться от усталости и этого бесконечного напряжения. Я сворачиваю на остановку общественного транспорта. Здесь, как всегда, многолюдно. Но, нужную мне девушку узнаю сразу.

— Подвезти? — бросаю я, сквозь открытое окно.

— Не откажусь, — она улыбается и идет к машине.

Даже уламывать не пришлось.

Мы идем в первый попавшийся ресторан, кажется «Хижина». Здесь просто пахнет едой и чужими разговорами. Я заказываю самое дорогое, что есть в меню, виски, которое она в жизни не пробовала. Веду себя развязно, громко смеюсь, пытаюсь клин клином выбить. Заполнить пустоту этим шумом. Но не помню даже имени. Все в башке смешалось.

Девушка хихикает, пьянеет от внимания и алкоголя. Я почти не слышу ее. Где-то на фоне играет музыка. Я пытаюсь сосредоточиться на ней, на изгибе ее шеи, на губах. Но вижу другие глаза, холодные, знакомые до боли. Лирика...

— Поехали ко мне, — предлагаю я.

Девушка, не колеблясь, соглашается.

В машине пахнет дорогим кожаным салоном, ее духами и ложью. Она сразу лезет ко мне, пьяная и настойчивая. Ее пальцы скользят по ширинке.

— Давай, я тебя поражаю, — шепчет она возбужденно.

Я откидываю голову на подголовник, закрываю глаза. Она делает то, что должна, но я не чувствую ничего. Пустота. Яд Лирика парализует все чувства. Да, млять, не получается нихрена, колом стоит, а развязка не наступает.

Но тут, словно удар током, в памяти всплывает картинка. Миг, на который я не обратил внимания, поглощенный собственным адом. Когда мы заходили в ресторан... В углу, у стола сидела девушка. Прямая спина, белые волосы, упавшие на лицо. Увидев меня, она резко отвернулась.

Аня? Она была там, видела меня и не подошла. Какого хрена-то?

Внезапный, резкий, ничем не обоснованный спазм пронзает меня и этого оказывается достаточно, чтобы горячая волна прокатилась по телу. Со стоном облегчения и отвращения все наконец заканчивается.

Я резко отстраняюсь, поправляю одежду. Девушка смотрит на меня с пьяным вопросом в глазах.

— Все свободна, — говорю я, достав кошелек. Сую ей в руки несколько купюр. — Вызови такси.

— Но...

— Проваливай, — мой голос не оставляет пространства для дискуссий.

Бормоча что-то обиженное, вылезает из машины. Я даже не смотрю, куда она пошла, завожу двигатель и срываюсь с места.

Мне нужно увидеть Аню, прямо сейчас. Набираю сообщение, почти не глядя на экран.

«Буду через полчаса. Выходи.»

Глава 5. Анна

Стол вибрирует вместе с телефоном, а я подпрыгиваю от неожиданности. Снимаю наушники, и мир, состоявший из конспектов по международному праву, рушится в одно мгновение. На экране горит «Янис». И сообщение, не терпящее возражений.

«Буду через полчаса. Выходи.»

Сердце совершает в груди немислимый кульбит от испуга до щемящей нежности. Я не спрашиваю «зачем», «почему» или «что случилось». Для него у меня нет вопросов. Только ответы. Пишу короткое «ок» и начинаю метаться по комнате, чтобы собраться.

В итоге накидываю первую попавшуюся толстовку и запикиваю ноги в разношенные кеды. В зеркале мелькает мое отражение: растрепанный хвост, усталое лицо без единой капли косметики. Пытаюсь поймать себя на мысли, что надо бы хоть тушью... Но тут же отмахиваюсь. Янис все равно не считает меня привлекательной. Что изменят накрашенные глаза? Лишь подчеркнут фальшь, которую я так тщательно скрываю.

Спускаюсь вниз, смотрю на часы и понимаю, что прошло только десять минут. Блин, не возвращаться же обратно, придется погулять. В голове начинают скапливаться мысли: «Что могло случиться?», «Почему так быстро закончился вечер с той девушкой?». Ожидание растягивает каждую секунду в тонкую, звенящую струну. Тревога и предвкушение сплетаются в тугой узел под ложечкой.

Беззвучно подъезжает машина Яниса, растворяясь в ночи. Я открываю дверь и погружаюсь в знакомый кокон ароматов, в салоне всегда пахнет кофе, дорогой кожей и туалетной водой Яниса. Радио тихо бубнит какой-то пока еще неизвестный сингл.

— Почему не окликнула в ресторане?

Янис не смотрит на меня, лишь судорожно сжимает руль.

— Зачем? Ты был не один, — небрежно пожимаю плечами. — Что случилось?

Мой голос звучит тише обычного, будто я боюсь спугнуть его хрупкое равновесие.

— Настроение — говно, — отрезает он, резко переключая передачу. Машина рывком срывается с места. — Снял квартиру на сутки. Поехали, поболтаем.

Я просто киваю, прижимаясь лбом к холодному стеклу. А внутри все кричит, бьется в истерику: «Зачем? Зачем я еду? В какую-то квартиру на ночь. А вдруг... Да нет, ему просто нужна моя помощь. В таком состоянии я его еще не видела никогда. И я все отдам, чтобы помочь ему».

Янис сворачивает к «Макавто». Заказывает почти весь ассортимент, не спрашивая меня.

— Держи, это наш праздничный ужин, — бросает он, протягивая мне три пакета. Его пальцы на секунду касаются моих, и от этого прикосновения по спине бегут мурашки.

— О! А что празднуем? — пытаюсь изобразить непринужденный тон.

— Мою никчемную жизнь, — коротко усмехается, и в этой усмешке нет ни капли тепла. — Гори она огнем!

Свет фар встречных машин скользит по его лицу, растворяя холод улицы в желтоватом полусвете. Но между нами стена. Прозрачная и нездыблемая.

Квартира оказывается студией в новом, безликом доме. Белые стены, голый пол, на кухне есть кофемашина, но пахнет дешевым растворимым кофе. Янис плюхается на диван и скидывает куртку. Достает из пакета бутылку виски, откручивает крышку и жадно прикикает в горлышко.

— Тебе не дам, — болезненно усмехается. — Мелкая еще.

Своеобразная забота мурашками расходится по моей коже.

— Что случилось, Янис? — выкладываю на журнальный столик «ужин».

— Я больше не вывожу, Ань, — голос Яна хриплый, полный отчаяния.

— Расскажи мне, — осторожно присаживаюсь рядом, поджав ноги. — С отчимом опять поругался?

— Да пошел он, — неприятно морщится Янис. — Есть кое-что похуже.

Я терпеливо жду, не решаясь задавать вопросы. Янис отпивает из бутылки еще, шумно втягивает воздух и продолжает.

— Объявилась моя бывшая. И будто тупой нож в одно и то же место... в ту же самую, говняную, незаживающую рану.

— Которая из них? — пытаюсь хоть немного снизить градус.

— Анжелика, та, из-за которой мы с Тихом... — буквально выплевывает Янис. — Эта сука будет учиться с нами.

Молча слушаю его. Я как тихая гавань, в которую он входит на своем разбитом корабле. Моя роль быть берегом, слушать и принимать его шторм.

Он говорит о Лике, об отчине, о деканате. Слова льются гневным, горьким потоком. Ему больно, эта боль сочится из открытых ран и нужно выговориться, сбросить весь накопившийся негатив, чтобы стало легче. А завтра, я знаю, он снова наденет маску циничного бабника, которому на всех плевать.

Янис замолкает, делает пару глотков из бутылки и поворачивает ко мне лицо. Его глаза, такие насмешливые и дерзкие всегда, сейчас пусты и беззащитны.

— Знаешь, ты единственная, кто не задает лишних вопросов. Не учит жить, а понимает и принимает меня таким, какой я есть. Просто... спасибо, что ты у меня есть.

Эти слова попадают прямо в сердце. Острые, как лезвие, он видит во мне друга. Только лишь друга, а я... Сжимаю зубы, чтобы эмоции не просочились наружу. Нельзя ему знать о моих чувствах, тогда доверие между нами будет разрушено и я потеряю его навсегда.

Янис улыбается и кладет голову мне на колени. Просто по-дружески, будто так и надо. А я замираю, и все мое существо разрывается надвое. Я опускаю руки и касаюсь его волос, ладони горят огнем, а внутри ледяная пустота.

— Ты классная, Ань. Моя БРОшка — бормочет он, уже почти во сне. — Без тебя я бы давно с катушек слетел.

«Классная...» — эхом отзывается во мне. Хочется засмеяться сквозь слезы. Или закричать. Я — «бро». Как Раф, как Туз. Удобная и безопасная.

Я заставляю свои губы растянуться в улыбку. Ладонь, которую он не видит, сжимается в кулак.

— Я для этого и создана, чтобы держать тебя в рамках, — слышу я свой голос, удивительно спокойный.

Но глаза, я знаю, выдают все. К счастью, он их не видит.

Янис засыпает, уткнувшись лицом в складки моей толстовки, так и не притронувшись к горе фастфуда. Его дыхание выравнивается, а я сижу неподвижно, боясь пошевелиться, и медленно, почти не дыша, провожу пальцами по его вихрям. Они такие мягкие... Такие беззащитные, как он сам в эту секунду.

— А кто меня удержит, Ян? — шепчу я в тишину.

Откидываюсь на спинку дивана, глаза сами слипаются от усталости. Я засыпаю сидя, так и не сдвинувшись с места, с его головой на коленях.

Солнечный свет пробивается через незакрытые шторы и неприятно режет по глазам. Невольно моргаю и распахиваю веки. За окном совсем светло, а я лежу, крепко прижатая к мужской груди. Рука покоится на моей талии и держит так, что не пошевелиться, а горячее дыхание опалает ухо.

Что? Как? Когда все так переменялось и я оказалась в объятиях Яниса? Ничего не помню, но все же улыбаюсь. Это оказывается очень приятно. Прикрываю глаза, позволяя себе еще пару

мгновений понежиться в этом моменте, впитывая в себя теплую энергию любимого мужчины, а затем решительно смотрю на часы.

Черт... опаздываем на пару. Легкая паника прокатывает по коже, заставляя сердце стучать быстрее и придает ускорения.

Высвобождаюсь из его объятий, сажусь и растираю лицо ладонями, чтобы стряхнуть остатки сна.

— Янис, вставай, мы проспали! — сообщаю громко, но он даже ухом не ведет. — Але! — бодро толкаю его в плечо. — Подъем! Пора в институт, а то влетит за прогулы.

Янис медленно открывает глаза, морщится от света, и... я вижу, как по его лицу расползается та самая, знакомая до боли, дерзкая ухмылка. Утренний Янис — это совсем другой человек. Будто ночной кошмар растворился в солнечных лучах.

— Блин, Ань, — он потягивается, с хрустом разминая шею. — Ты как будильник, вовремя и очень раздражаешь.

— Мы опаздываем, — предупреждающе говорю я и усмехаюсь, взглядом вызывая на дуэль.

— Давай ускоряться! — хмыкает он и срывается с места.

Мы синхронно несемся в ванную к умывальнику, плещемся ледяной водой. На раковине одноразовые щетки, одну бросаю ему, он ловит на лету. Приводим себя в порядок и смеемся над своим отражением в зеркале — помятые, сонные, но уже готовые к учебному дню. Ну почти...

Собираемся, оставив после себя кучу фастфуда и бардак в ванной. Уже в дверях Янис резко останавливается и поворачивается ко мне. Веселье в его глазах так же внезапно гаснет, сменяясь странной, непривычной серьезностью.

— Спасибо тебе, Анют, — говорит он тихо, глядя куда-то мимо меня. — За поддержку и вообще... — Он делает паузу, и воздух снова становится густым и тяжелым. Потом его взгляд находит мои глаза. — Я же тебя не обидел вчера? Все нормально?

— Все хорошо, Янис, — натягиваю на лицо беззаботную улыбку и просачиваюсь сквозь него на лестничную площадку. — Догоняй, копуша!

Глава 6. Янис

Голова раскалывается на две неравные части. Кажется, затылок вот-вот отвалится, а в висках стучит отголосок вчерашнего виски и гребанных нервов. Давлю на педаль газа, машина рычит, но даже этот рев не может заглушить внутренний гул.

— С тобой все хорошо? — Аня словно читает мои мысли и всегда попадает в цель. Не знаю, что бы без нее делал.

— Есть что от башки? — бросаю я, глядя на дорогу. Голос хриплый, будто наждачной бумагой протертый. — Трещит нещадно.

— А нечего было лопать в одно наглое и самодовольное лицо, — фыркает она.

— Давай только без нотаций, ладно?

Краем глаза вижу, как Аня копается в своем вечно переполненном рюкзаке. Через мгновение она молча протягивает мне белую таблетку. Ни вопроса, ни упрёка. Я даже не спрашиваю названия, просто сую в рот и запиваю остатками холодного кофе из подстаканника. Горько и противно, но должно стать легче.

Паркуюсь у института. Аня, словно почувствовав мое желание остаться в одиночестве, выскальзывает из машины со своим «побежала, удачи на парах» и растворяется в толпе, направляясь к Илиане и Тасе. Ее легкость и умение быть вовремя — одновременно дар и проклятие.

Я бреду в курилку. Там уже собрались все наши: Раф, Туз, Пашка и Тихомир. Стоят кучкой, о чем-то ржут. Их смех режет слух, точнее неприятно отдается в больной голове.

— С тобой все в порядке? — первым замечает мое состояние Туз, его взгляд внимательный, без обычной ухмылки.

— Средней паршивости, — огрызаюсь я, прислоняясь к стене и закуривая. Дым обжигает легкие, но не приносит облегчения.

— Не с той ноги встал? — подкалывает Раф, подмигивая.

— С фейса скорее, — вставляет свое слово Тихомир, и его смех смешивается с общим.

— Идиоты, — фыркаю я, закатываю глаза. Сегодня их веселье действует на нервы сильнее обычного.

— Кстати, а новенькую уже видели? — вспоминает Пашка, выпуская кольцо дыма. — Говорят, огонь девка.

— Не было еще, — пожимает плечами Туз.

А я в этот момент поднимаю взгляд и вижу ее. Она идет через двор к главному входу, такая же красивая и яркая, как вчера. Мое сердце совершает резкий, болезненный толчок где-то в районе горла и неприятно сжимается.

— Да вон она, — цежу сквозь стиснутые зубы и глубоко затягиваюсь, мечтая вытравить эту суку из своего организма.

Все оборачиваются. Парни застывают, когда Лика приближается к нашему «мужскому клубу». Ее каблук отбивают четкий ритм по асфальту, а улыбка словно выверенный до миллиметра инструмент поражения. Работает безотказно. По крайней мере на мне.

— Фа-ак, — сдавленно фыркает за спиной Тихомир. Он тоже узнал ее и, судя по всему, не обрадовался.

Лика останавливается перед нами, ее взгляд скользит по лицам парней, задерживаясь на мне дольше, чем на остальных.

— Всем привет, — она расплывается в ухмылке, и кажется, воздух вокруг становится гуще. — Я Анжелика.

Парни замирают, но я не даю ей сказать ни слова больше.

— Вали отсюда, — бросаю я, глядя ей прямо в глаза. Мой голос неожиданно ровный, ледяной. — Тебе здесь не рады.

— Какой ты колючий, — Лика прищуривается. — Прямо как ежик.

— Отвали, — едва не клацаю зубами.

За спиной чувствую, как ребята застыли в немом шоке. Мне плевать, я не собираюсь общаться с этой тварью. Разворачиваюсь и ухожу в здание, не оглядываясь, но ее пристальный взгляд прожигает спину.

В коридоре меня нагоняет Тихомир, хватая за локоть и разворачивает к себе.

— Ты почему не сказал, что она вернулась?

— А должен был? — сбрасываю его руку. Я на взводе и слегка не расположен к светским беседам.

— Мог бы и предупредить, — Тих тоже начинает заводиться. — Она действительно будет учиться с нами?

— Если не обманула, то да.

— Пипец. Ты пробовал поговорить с ней?

— О чем, млять, мне с ней разговаривать? — останавливаюсь и смотрю на него с вызовом. — Я знать ее не хочу.

— Янис, послушай меня, — ловит мой напряженный взгляд. — Про ту историю я сказал правду. Между нами ничего не было.

— Я верю, — выдыхаю я. — Но один хер мерзко все это.

— Согласен, — Тихер зарывается пальцами в волосы. — Что ей вообще надо?

— Мне не интересно. Сам спроси, если хочешь.

— Ян, да хорош, — друг толкает меня в плечо. — Я-то в чем виноват?

— Да ни в чем, — фыркаю я, чувствуя, как раздражение подкатывает к горлу. — Бесит просто. Ладно, увидимся.

Вваливаюсь в аудиторию за рекордные десять минут до начала пары. Голова все еще раскалывается и ищет куда упасть. Вижу Аню с Илианой, они о чем-то оживленно болтают. Подхожу и нагло протискиваясь, усаживаюсь между ними и роняю голову на сложенные на парте руки.

— Янис, ты нормальный вообще? — смеется Илиана и несильно толкает меня в бок.

— Я охрененный, — улыбаюсь одним уголком губ, не поднимая головы.

— Скорее уж охреневший, — дразнится Аня и я улыбаюсь шире.

Вот здесь, в этом девчачьем щебете я ощущаю себя на своем месте. Их голоса звучат ровно и монотонно, действуя на меня успокаивающе.

Слышу, как «каблуки» входят в аудиторию. Не вижу, но отчетливо чувствую. Знакомый холодок пробегает по спине, а в воздухе будто что-то сгущается, становится тяжело дышать.

Поднимаю голову, чтобы проверить свои ощущения. Анжелика стоит у доски, привычно рекламируя себя. Она всегда любила быть в центре внимания. А сейчас ее взгляд скользит по аудитории и задерживается на мне. На ее губах появляется улыбка, от которой когда-то замирало сердце, а теперь лишь сжимается желудок.

Стискиваю зубы так, что челюсти сводит. Прикрываю веки, пытаюсь отгородиться, но не помогает. Перед глазами возникает ее образ. Как она смеялась. Как говорила, что любит. А потом... холодные глаза и слова: «Тихомир просто... интереснее, чем ты».

Рана, которую я заливал алкоголем и злостью, вскрывается снова. Острая, жгучая боль прорывается наружу. Как же я ее любил, надыхаться не мог, а она вытерла об меня ноги и укатила за границу учиться на модель.

Открываю глаза, Лика сидит теперь впереди меня. Длинные темные волосы, идеальная линия плеч. Мое наваждение и мое проклятие.

— Сука, — шиплю сквозь зубы и с силой отталкиваюсь от парты.

Лица оборачивается на шум, красиво, как в рекламе взмахнув волосами. Ее лукавая улыбка говорит сама за себя и просачивается мне под кожу сладким ядом.

Ноги сами несут меня к выходу. В коридоре я опираюсь о стену, пытаюсь перевести дыхание. Находиться с Анжеликой в одном помещении невыносимо. Она, как живое напоминание о том, какой я слабый, наивный и ею преданный.

И хуже всего то, что где-то глубоко внутри, под всей этой ненавистью и болью, шевелится что-то знакомое. Что-то, что я так старательно пытался похоронить.

Глава 7. Анна

Голос преподавателя тянется ровно и монотонно. Он говорит о международных договорах, но я не слышу ни слова. Передо мной стоит образ Яниса, его напряженные пальцы, сжимающие ручку, и взгляд, в котором бушевала настоящая буря, прежде чем он сорвался с места и вылетел из аудитории.

Воздух, кажется, все еще вибрирует от захлопнутой двери. Я не выдерживаю. Схватив учебник,двигаюсь на соседнее кресло к Илиане.

— Иль, — шепчу я, прикрываясь раскрытым томом, как ширмой. Сердце колотится где-то в горле. — Кто она? Ты видела, как он на нее среагировал?

Илиана бросает тревожный взгляд на дверь, затем на меня. Ее обычно беззаботные глаза становятся серьезными.

— Скорее всего, это Лика, — выдыхает она, наклоняясь ко мне так близко, что наши волосы смешиваются. — Его бывшая. Та самая, после которой он... таким стал.

От этих слов по спине пробегает холодок. «Таким стал». Циничным, закрытым, не верящим никому.

— Что она сделала? — слова срываются с моих губ почти беззвучно.

— Я если честно не знаю подробностей. Только со слов Тихомира, — Илиана говорит быстро и тихо, под аккомпанемент скучной лекции. — Он ее боготворил, Ань. Вроде даже жениться хотел, а она хотела уехать за границу.

Илиана замолкает на секунду, собираясь с мыслями, ее пальцы нервно теребят край конспекта.

— В общем она попросила Тихомира подыграть ей, чтобы Янис решил, что между ними что-то есть и отстал от нее, — Илиана с трудом произносит последние слова, и в ее голосе слышится ревность. — Вообще не понятно, чего она хотела добиться этим спектаклем, но парни серьезно разругались.

Во рту пересыхает. Я представляю лицо Яниса, когда он все понял. Холодные, насмешливые глаза Лики, наблюдающей за его болью. Какая же она стерва. А его боль оказывается не просто болью расставания, она грязная, унижительная по своей сути.

Ревность, которая клокотала во мне секунду назад, исчезает, смытая новой, огненной волной ярости. За Яниса, которого так жестоко сломали, поигравшись его чувствами, как игрушкой.

— Она... тварь, — вырывается у меня сдавленно, и я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Илиана лишь горько кивает, ее взгляд говорит: «Теперь ты понимаешь». Я понимаю, почему его рана не заживает. Почему один ее вид заставляет его бежать, как от призрака, который страшнее любого реального кошмара.

Когда звонок наконец разрывает тишину, я собираю вещи почти машинально. Илиана зовет меня на кофе, но я только качаю головой.

— Потом, ладно?

Она понимает без слов и утопает в объятиях своего парня.

Я выхожу в коридор, снаружи пахнет пылью, старым линолеумом и напряжением, которое не рассеивается после ухода Яниса. Прохожу по этажам, заглядываю в аудитории, потом в курилку, но везде пусто.

Обхожу почти весь институт, и уже готова сдаться, как слышу из-за двери спортзала глухой, ритмичный стук. Открываю тяжелую дверь и замираю.

Зал залит осенним солнцем, падающим из огромных окон. И посреди этого светлого пространства Янис. Он яростно швыряет баскетбольный мяч в кольцо. Бросок, оглушительный удар о щит, мяч отскакивает, он его ловит на лету, разворачивается и снова бросает. Каждое движение резкое, заряженное силой, граничащей с яростью. Его лицо покраснело, темные волосы слиплись от пота на лбу, а мышцы на руках напряжены до предела. Он не плачет, а разрушает себя физически.

Сердце сжимается от боли. За мальчишку, которого так подло обманули, и который теперь не знает, куда деть эту адскую боль, кроме как вбить ее в покрытие площадки.

Я не могу просто стоять и смотреть. Невыносимо, видеть Яниса в таком состоянии.

Мяч снова со стуком отскакивает от кольца, и Янис уже готовится его поймать, но я делаю рывок, опережая его и ловко перехватываю мяч на лету.

Янис замирает, его грудь тяжело вздымается. Он смотрит на меня с удивлением, которое мгновенно сменяется раздражением.

— Аня, не сейчас. Серьезно, уйди, — голос хриплый и уставший.

Я только крепче обхватываю мяч, чувствуя его шершавую поверхность, и поднимаю на него взгляд, бросая вызов.

— Боишься, что я тебя обыграю? До десяти очков.

Проходит секунда. Две. И уголки его губ дергаются, а потом на лице появляется та самая, знакомая до боли, дерзкая ухмылка. Первый проблеск живого Яниса сквозь маску боли и гнева.

— Детка, ты не знаешь, с кем связываешься, — ворчит он, но в его глазах уже вспыхивает азарт. Янис принимает стойку, готовый защищаться.

Игра начинается. Я веду мяч, пытаюсь найти проход. Ян блокирует меня, его движения все еще резкие, но теперь в них есть цель, а не слепая ярость. Я провожу обманный маневр, он покупается, и я делаю бросок. Мяч описывает дугу и с глухим стуком проваливается в корзину.

— Один–ноль, — объявляю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Повезло, — фыркает он и подбирает мяч. — Сейчас я тебе покажу.

Янис атакует. Сильно, агрессивно. Я пытаюсь помешать, но он легко обыгрывает меня и мощно забрасывает мяч в кольцо. Сетка звенит.

— Один–один, — его ухмылка становится шире. Ян теперь не просто выпускает пар, а играет со мной.

Мы продолжаем. Становится жарко, дыхание сбивается. Счет уже четыре–четыре, затем шесть–шесть. Каждое очко дается с боем. Янис смеется, когда я уворачиваюсь от его блоков, я злюсь, когда он перехватывает у меня мяч. Его хмурое напряжение понемногу тает, сменяясь сосредоточенностью и азартом.

— Эй, не жульничай! — кричит он, когда я забиваю сложный мяч с отскоком от щита.

— Это называется чистая игра! — отвечаю я, запыхавшись, но с торжеством в голосе. — Девять–восемь.

Ян получает мяч, его взгляд становится серьезным. Он концентрируется, обводит меня изящным поворотом, прыгает... но бросает слишком сильно. Мяч отскакивает от кольца. Я ловлю его на лету и теперь у меня есть шанс.

Не думаю, просто поворачиваюсь и бросаю. Чисто, без единого касания кольца. А вокруг тишина, нарушаемая только нашим тяжелым дыханием.

— Десять–восемь, — выдыхаю я, и по лицу растекается торжествующая улыбка. — Я выиграла.

Янис стоит, опустив руки, и хмуро смотрит на меня, а затем начинает смеяться. Его смех громкий и настоящий, эхом разносится по пустому залу.

— Признавайся, ты агент МБА, да? — внезапно рычит он, и в его глазах вспыхивает озорная искра.

С этими словами он делает выпад, и, прежде чем я успеваю среагировать, обхватывает меня, поднимая в воздух в крепких объятиях. Я оказываюсь в «охапке», прижатая к его мокрой от пота майке, не в силах пошевелиться.

— Отпусти! — хохочу я, пытаюсь вырваться, но Янис сильнее.

Он с легким стуком ставит меня на ноги, но не отпускает до конца. Я делаю вид, что сдаюсь, и Янис на секунду ослабляет хватку. Этого достаточно, я выскальзываю и пытаюсь отбежать, но он снова ловит меня, и мы, смеясь, кружимся на месте в шуточной борьбе, пока у меня не перехватывает дыхание от смеха.

Янис ловко подставляет мне ногу, я теряю равновесие, и мы оба, запутавшись, с грохотом падаем на прорезиненный пол. Воздух вырывается из легких. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он оказывается сверху, его вес прижимает меня, а сильные пальцы мягко, но неотвратимо ловят мои запястья, прижимая их к полу по обе стороны головы.

Смех замирает у меня в горле. Внезапная близость оглушает. Я чувствую всей кожей тяжесть Яниса, его тепло, пробивающееся сквозь одежду. Слышу его прерывистое, хриплое дыхание. Вижу, как на его висках пульсирует кровь, а капли пота медленно скатываются по коже. И что-то еще в его глазах... Насмешка куда-то улетучилась, уступив место глубокой, почти киношной серьезности.

Мы замираем. В зале, залитом слепящим солнцем, воцаряется тишина. Он смотрит на меня, и его взгляд медленно скользит с моих глаз на губы. Я чувствую, как по спине ползут мурашки, а сердце колотится с такой силой, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди и останется лежать на полу. Я не могу пошевелиться, не могу отвести взгляд, а расстояние между нашими губами всего несколько сантиметров.

Глава 8. Янис

Тишина. Вернее, оглушительный гул в ушах, под который я слышу только наше сбивчивое дыхание. Я все еще держу запястья Ани, прижатые к прорезиненному полу. Ее глаза огромные, темные, бездонные. В них нет ни тени привычной насмешки или защиты. Одна чистая, обнаженная уязвимость. И я тону в этом взгляде, как в омуте.

В горле пересыхает, а сердце колотится где-то в висках, отдаваясь глухим стуком по ребрам. Ее губы такие неожиданно манящие и они так близко. Просто наклониться, всего на несколько сантиметров. И, кажется, вся та грязь, боль и ярость, что клокочат внутри, растворятся, сторгят в этом единственном прикосновении. Она как противоядие, как единственное спасение, но это не так...

«Это же Аня. Анята, твой друг и самый близкий «бро» — нудит внутренний голос. — «Ты сейчас все уничтожишь. Осквернишь единственное, что у тебя осталось светлого и чистого».

Холодная волна паники смывает пыл и мгновенно отрезвляет. Я застываю в нерешительности, разрываясь между инстинктом и страхом все потерять. Точнее я совершенно точно не хочу ее терять.

Где-то за дверью слышен громкий, развязный хохот и топот нескольких пар ног. Реальность врывается в наш хрупкий пузырь, как пуля в стекло, пробивает насквозь и оглушает.

Я отдергиваю руки, будто обжегшись, и откатываюсь от Ани. Вскрываю на ноги так резко, что едва не теряю равновесие. Спина напряжена, как струна, а внутри странная, незнакомая вибрация. Отворачиваюсь и провожу ладонью по лицу, пытаюсь стереть с него смятение и вернуть хоть каплю привычного самообладания.

— Нюша, нас тут чуть не застукали, — выдавливаю я, натягивая дерзкую ухмылку, но голос хриплый, сдавленный, и фальшь режет уши. — Вставай уже.

— Поможешь? — Аня хлопает огромными ресницами и протягивает руку.

Не хочу ее касаться, только не сейчас, когда внутри и так полнейший раздрай, но и отказать в помощи не могу. Цепляю ладонь и дергаю на себя в одно мгновение ставя Аняту на ноги.

— Сорян, бро. Мне пора.

— Увидимся, — тихо отзывается она.

Ухожу, не глядя на нее. Не могу позволить себе этой слабости. Хапаю с лавки свою куртку, подбираю с пола ключи. Действую на автомате, пока мозг отказывается работать, заиклившись на одном вопросе.

Что, черт возьми, это было? Это же Аня. Друг. Единственный человек, который... который терпит тебя. Который не предаст. А если бы я ее поцеловал? Она бы оттолкнула и рассмеялась в лицо. Должна была. Но она не оттолкнула бы. Она смотрела... иначе. Нет. Прекрати. Ты все испортишь. Ты для нее "бро". А она для тебя... кто? Кто она для тебя, Янис?

Ответа нет. Только свалка из обрывков мыслей и оглушающий стук сердца. Не оборачиваясь, выхожу из зала, с силой захлопывая дверь. И тут же натываюсь на Анжелику. На кошмар и прошлое, которое не хочет оставаться в прошлом.

Лица стоит, непринужденно прислонившись к стене, с изысканной небрежностью вертя в руках смартфон. Ее взгляд, томный и ядовитый, медленно скользит по моей мятой майке, вспотевшему лбу. Она все видела? Твою мать, что все?

— О, Янис! — ее голос, как струйка меда, в которую подмешали мышьяк. — А я ищу спортивный зал. Кажется, вы с.. той девушкой хорошо... провели время? — Она нарочно делает паузу, давая мне прочувствовать каждый скрытый смысл. — Раньше ты таким не был...

Ярость, отчаяние, стыд, все что накопилось, прорываются наружу слепым, неконтролируемым потоком.

— Проваливай к черту, — мой рык оглушает тихий коридор. — Иди отсюда, я сказал.

Я прохожу мимо, нарочно задевая ее плечом. Решительно ухожу прочь, но отчетливо понимаю, что только что вручил ей отмычку к своей самой уязвимой точке. Самому больному месту. Да млять!

Уезжаю из института одним из первых и еду домой. Надо привести себя в божеский вид и решить, что делать дальше.

Дом не становится убежищем. Воздух в нем спертый, пропитанный молчаливым напряжением. Я пытаюсь проскользнуть к себе, но из гостиной доносится женский голос:

— Янис? Это ты?

Мать. Она сидит на диване, в руках чашка кофе, а лицо усталое.

— Где ты пропадаешь? Артем ждал тебя к ужину, — мать недовольно поджимает губы. — Опять твои бесконечные гулянки?

— Мне не до ужина, — бросаю я, направляясь к лестнице.

— Янис, стой! — ее голос крепчает. — Когда ты начнешь проявлять хоть каплю уважения? Артем старается для нашей семьи!

Это последняя капля, я оборачиваюсь и смотрю на женщину, которая так и не стала мне родной, хоть и родила меня. Вся злость, что копилась на Лику и на себя, уходит в голос.

— А я что, просил его стараться? — слова вылетают, острые и ядовитые. — Я не обязан уважать кого-то просто за то, что он тебя трахает, мама!

Тишина повисает густая, звенящая. Ее лицо белеет.

— Как ты смеешь! — шипит она разъяренно. — Все, что у нас есть, мы имеем благодаря ему! Твоя машина, твоя учеба...

— Мы имели все и до него, — перебиваю я. — Пока был жив отец. А теперь я должен целовать туфли какому-то мудаку, который ходит по *моему* дому, как по своему? Нет уж.

Разворачиваюсь и взбегаю по лестнице, хлопаю дверь своей комнаты. Падаю на кровать, зажимриваюсь. Но за закрытыми веками покой не наступает. Я вижу два лица: Лику с ядовитой ухмылкой. И Ани с большими, испуганными, такими беззащитными глазами.

Я иду в ванную, включаю ледяной душ и замираю под ледяными струями. Вода обжигает кожу, но не может смыть весь этот пипец. Чувство вины перед Аней, за недоумение в ее глазах, за свое трусливое бегство и всепоглощающий страх от того, что я стою на краю пропасти, где один неверный шаг и я потеряю все.

Прибавляю температуру воды и постепенно расслабляюсь. Дышать становится легче, а туман в голове проясняется. Выхожу из душа, останавливаюсь перед едва запотевшим зеркалом. Провожу по нему ладонью, обнажая отражение и смотрю на него.

Я не вижу там того, кем должен быть — уверенного в себе мажора. Я вижу испуганного, загнанного в угол парня с пустыми глазами. Парня, который чуть не разрушил единственное светлое в своей жизни и сам вручил врагу оружие для своего же уничтожения.

Лица все видела и теперь у нее есть чем ударить. А я... сам ей вручил это оружие вместе с куском того, что осталось от моего сердца.

Глава 9. Анна

Дверь спортзала захлопывается за моей спиной, наглухо отсекая тот странный, звенящий мир от реальности. Я делаю шаг по коридору, и сердце, только что бешено колотившееся в груди, теперь замирает.

Передо мной, прислонившись к стене, стоит та самая Анжелика и будто специально ждет меня.

— Ты же Аня, я не ошиблась? — протягивает она, и мое имя в ее устах звучит как оскорбление.

— Ну, допустим, — настороженно смотрю на нее, не ожидая ничего хорошего.

— Вы с Янисом так эмоционально занимаетесь... спортом. Прямо как в дешевом сериале.

Ее намеки оскорбительны, но я не обираюсь это демонстрировать.

— У тебя очень грязное воображение, Анжелика, — говорю я ровно. — И удивительно скучная жизнь, раз ты стоишь здесь и подглядываешь за чужими тренировками.

Не давая шанса опомниться, прохожу мимо, чувствуя, как ее взгляд прожигает спину. Чувство удовлетворения приятно щекочет внутри.

Выхожу из института и привычно смотрю на парковку. Машины Яниса нет, значит уехал уже... интересно куда? Хотя какая разница, главное, что Лика не с ним. Ему нужно побыть одному...

Тоскливо вздыхаю, вспоминая совместно проведенную ночь и спешу в кафе, где меня уже ждут девочки. Илиана, Эмилия и Тася заняли наш любимый столик и даже заказали мне капучино.

Падаю на свободный стул роняю тяжелую голову на руки. Пытаюсь собраться с мыслями, но они разбегаются в разные стороны, разрывая меня на части.

— С тобой все в порядке? — прищуривается Илиана. — Ты выглядишь так, будто только что видела призрак.

— Призрак из прошлого Яниса, — не выдерживаю я. — Лика эта задолбала.

Илиана закатывает глаза.

— Вот же ж сучка...

— Подожди-подожди, — перебивает Тася. — Это та самая, из-за которой он с Тихомиром...?

Киваю, отпивая глоток капучино. На какое-то время воцаряется тягостное молчание, которое нарушает Илиана, явно пытаюсь сменить тему.

— Ладно, хватит о грустном. Эмилия, как твой проект с Котом? Ты же обещала показать.

Эмилия, до этого молча копавшаяся в телефоне, оживает.

— Да, почти готов! Осталось немного подшаманить. Думаю, через пару дней уже можно будет всем показать. Надеюсь, Кот не подведет в самый последний момент.

— А я напомним, что до фестиваля осталось совсем ничего, — вступает Тася, ее голос приобретает деловой, почти командирский тон. — Так что, девочки, прошу всех закрыть хвосты по учебе. Меня деканат уже предупредил — кто не успевает по учебе, на фестиваль не поедет. Никаких поблажек.

У меня внутри все сжимается. Фестиваль... они так долго готовились, репетировали. Но сейчас мысль о том, что нужно куда-то ехать, кажется невыносимой.

— Ань, ты не переживай, — Тасю не проведешь, она замечает мое отсутствующее выражение лица. — У тебя хвостов нет.

— Да-да, конечно, — киваю я, стараясь вложить в голос уверенность.

Подвести Тасю и всех ребят я не могу. Даже если внутри полный кавардак.

В этот момент к нашему столику подходит Пашка Истомин.

— Место свободно? Сбежал с репетиции.

Мы киваем, и он присаживается к нам, а потом своей беззаботной болтовней постепенно разряжает обстановку. Когда девочки одна за другой уплывают к своим парням, мы остаемся с Павлом вдвоем.

— Ну что, Анютка, подвезти? — предлагает он. — Вижу, ты сегодня какая-то потерянная.

— Знаешь, Паш... Отвези меня лучше к отцу. В прокуратуру.

Он удивленно поднимает бровь, но не спрашивает.

— Без проблем. Поехали.

В салоне его машины пахнет жвачкой и свежестью. Он включает музыку и молчит почти всю дорогу, за что я ему безмерно благодарна. Подъезжая к монументальному зданию, он все же нарушает тишину.

— Слушай, а не хочешь потом куда-нибудь сходить? В кино, например. Развеемся.

Смотрю на него и выдавливаю из себя улыбку. Истомин симпатичный и даже почти не сволочь, но мое сердце, глупое и непослушное, занято кем-то другим.

— Паш, спасибо, — мягко улыбаюсь я. — Но... нет. Извини.

— Да ладно, я понял, — он равнодушно пожимает плечами.

Останавливается напротив шлагбаума. Я выхожу, машу ему на прощание и, сделав глубокий вдох, направляюсь ко входу, чувствуя смертельную усталость и смутную надежду, что хоть здесь, в царстве закона и порядка, найду хоть каплю ясности.

Прохожу через шумный, пропахший официальными бумагами и кофе коридор прокуратуры. Кажется, даже стены здесь впитывают напряжение и строгую дисциплину. Секретарь, давно меня знает, и лишь молча указывает взглядом на знакомый кожаный диван у двери папиного кабинета.

Присаживаюсь на край, спина напряжена, пальцы сами собой теребят край куртки. Терпеливо жду отца. Каждая минута тянется мучительно медленно, будто специально давая время передумать и сбежать. Когда через полчаса дверь наконец открывается и из кабинета выходят серьезные мужчины в строгих костюмах, я почти вздрагиваю. Последним выходит отец, как всегда в форме. Увидев меня, он резко останавливается, и на его лице появляется та самая, знакомая с детства тревожная складка между бровей.

— Ты почему не предупредила? — его голос звучит суше, чем обычно. — Что случилось?

Пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются, выходит какая-то кривая гримаса.

— Да ничего, соскучилась просто.

Отец смотрит на меня внимательно, его пронзительный взгляд, кажется, видит меня насквозь.

— Анют, ты совсем не умеешь врать, — в голосе проскальзывает усталая нежность. Он открывает дверь своего кабинета, пропуская меня внутрь жестом.

Переступаю порог, и меня окутывает знакомый запах старых книг, кожи и папиного одеколона. Бросаю быстрый взгляд вокруг: ничего не изменилось. Все тот же массивный дубовый стол, заваленный папками, строгий портрет на стене. Порядок, идеальный порядок во всем. Как и в его жизни.

— Чай будешь? — папа разбивает тишину, подходя к своему креслу.

Качаю головой.

— Нет, я не...

— Хотя ты голодная, наверное, — он бросает взгляд на часы, и я замечаю его усталость.

— Да и я не обедал.

— Пап... — мой голос звучит слабее, чем хотелось бы.

— Не спорь, — он мягко прерывает меня. — Прокуратура не место для молоденьких и впечатлительных девочек.

— Ты забыл, чья я дочь? — звучит почти как вызов.

Отец смотрит на меня, и в уголках его глаз появляются лучики морщинок, как слабый намек на улыбку.

— Не забыл, поэтому пойдем тебя покормлю.

Сдаюсь. Слишком устала сопротивляться. Мы идем в тихий ресторан через дорогу. Заказываю куриный суп, а папа — черный кофе, крепкий, как всегда.

— Ты же есть хотел, — напоминаю я, пытаюсь вернуть нашему разговору хоть каплю легкости.

— Расхотел, — он отставляет чашку, и его взгляд становится пристальным, профессиональным. — Рассказывай, что у тебя?

Вздыхаю, понимая, что игра окончена. От этого человека ничего не скроешь. Пальцы сами находят бумажную салфетку и начинают безжалостно ее скручивать.

— К нам перевелась одна девушка, — начинаю я, глядя в стол. — Анжелика Климова. — Нервно закидываю прядь волос за ухо, чувствуя, как учащается пульс. — Можешь узнать о ней побольше?

Папа хмурится, и я буквально физически ощущаю, как в нем напрягается каждый мускул.

— Зачем? — голос становится жестче, глубже. — Она что, тебя обижает? Я могу подъехать и...

— Стоп! — резко поднимаю руку, словно могу остановить поток его тревоги. — Никто меня не обижает. Мне просто... интересно, кто это. Очень загадочная она.

— Нют... — отец проводит рукой по лицу, и в этом жесте столько растерянности... — Ты же понимаешь, чтобы выполнить твою просьбу, мне придется воспользоваться служебным положением. В личных целях, а это неправильно.

— Да, но это же просто... — мой взгляд упрямо блуждает по узору на скатерти. Прекрасно знаю, как он терпеть не может такие просьбы. Его принципиальность, его честность — они всегда были для меня примером. А сейчас я сама прошу его переступить через них.

Отец смотрит на меня долго и внимательно. Его взгляд тяжелый, взвешивающий. Я чувствую, как он изучает мое лицо, читает между строк, видит ту самую тревогу, что гложет меня изнутри. Вдыхает, и в этом вздохе целая история отцовской любви и профессиональной щепетильности.

— Ладно, — он накрывает мою руку своей большой, теплой ладонью. Его прикосновение неожиданно мягкое и успокаивающее. — Я попробую. Придумаю что-нибудь, если для тебя это так важно.

Облегчение накатывает волной и на мгновение перехватывает дыхание.

— Очень важно. Спасибо, пап... — голос срывается, выдает все мое напряжение.

Глава 10. Янис

Лежу на кровати, уставившись в потолок. В голове каша из обрывков сегодняшнего дня: испуганные глаза Ани, ядовитая ухмылка Лики, хлопок двери спортзала... Черт, какой же я идиот.

Внезапно телефон разрывается от звонка. Сердце на мгновение замирает — Аня? Но на экране горит проклятое имя: «Лика».

Первым порывом хочу отклонить вызов. Проигнорировать, отправить ее наконец в черный список, но что-то, сидящее глубоко внутри, заставляет меня провести пальцем по экрану.

— Что? — мой голос звучит грубо.

В трубке сначала тишина, а потом я слышу прерывистое дыхание.

— Ян... — голос Лики дрожит, и я замираю. — Прости, что звоню... Я... Мне нужно с тобой поговорить.

Она плачет? Внутри все переворачивается, но я быстро беру себя в руки.

— Не о чем, я все тебе сказал, — бросаю я, но уже без прежней злости. Ее отчаяние кажется подлинным и неожиданно ранит меня.

— А я не сказала! — она всхлипывает. — Янис, умоляю... Просто дай мне несколько минут. Мне нужно кое-что тебе объяснить. То, что нельзя сказать по телефону.

Она не требует, а умоляет, кажется живой и уязвимой. Такую Лику я не видел... наверное, никогда.

— Где? — неожиданно для себя спрашиваю я.

— В нашем... в том кафе на набережной. Помнишь? — ее голос слабый, незащищенный.

Черт. То самое кафе, где мы впервые встретились. Где она когда-то сказала, что любит меня. Болезненный спазм рождается в груди.

— Лика... — начинаю я, пытаюсь собрать волю в кулак.

— Пожалуйста, Янис, — она перебивает шепотом, полным отчаяния. — Умоляю тебя, тебе же ничего не стоит. Дай мне один шанс все объяснить. Только выслушай меня. А потом... потом я оставлю тебя в покое, если захочешь.

Я закрываю глаза. В памяти всплывает ее образ, но не тот, холодный и расчетливый, что я видел сегодня, а самый первый, с искренней улыбкой и горящими глазами. И этот контраст разрывает меня изнутри.

— Хорошо, — сдаюсь я, ненавидя себя за эту слабость. — Я дам тебе полчаса. Не больше.

— Спасибо, — выдыхает она, и в этом слове столько облегчения, что в его искренности невозможно усомниться. — Я буду ждать.

Лика сбрасывает звонок, а я еще долго сижу с телефоном в руке, пытаюсь понять, я только что совершил огромную ошибку... или дал шанс наконец закрыть дверь в прошлое, которое не хочет отпустить.

В любом случае, раз обещал, придется ехать. Шумно выдыхаю и иду к гардеробу. Не задумавшись, надеваю темную рубашку и застегиваю пуговицы. Смотрю на себя в зеркало и хочется втащить.

«Что ты творишь придурок? На свидание собрался?»

Психую и сдергиваю рубашку, с силой дергаю ящик комода и вытаскиваю первую попавшуюся футболку, старую, почти потертую, с каким-то полустертым принтом. Натягиваю ее, потом такие же потертые джинсы и взъерошиваю волосы. Идеально. Пусть Лика думает, что мне плевать.

Спускаюсь вниз. Из кухни доносится соблазнительный запах жареного мяса и трав. Желудок тут же предательски сжимается, напоминая, что я не ел с утра. Но я прохожу мимо, стиснув зубы. Это не для меня, я лишний на этом празднике жизни.

— Янис, постой.

Голос отчима за спиной режет воздух, как нож. Внутри все сразу сжимается в тугую, болезненный комок. Хочется сделать вид, что не услышал, и выйти за дверь, но я останавливаюсь и медленно поворачиваюсь.

Из кухни выплывает Артем Викторович. Он вытирает руки полотенцем, смотрит на меня с этой своей, привычной, снисходительной ухмылкой.

— Куда собрался? — его взгляд скользит по моей потертой футболке, и я читаю в нем молчаливое осуждение.

— Гулять, — бросаю коротко, вкладывая в слово всю возможную дерзость.

— Не слишком ли часто ты в последнее время «гуляешь»? — он делает паузу, давая мне понять, что в кавычках весь мой образ жизни.

Я чувствую, как по спине бежит знакомый холодок ярости.

— Могу себе позволить, — скалюсь в ответ.

— Пока можешь... — он произносит это тихо, но каждое слово падает тяжелым камнем.

Мы смотрим друг на друга, как два самца на одной территории, поделенной силой, а не правом.

— Вы что-то хотели? — не выдерживаю я, разрывая тягостное молчание.

— Я разговаривал с юристом, — начинает деловым тоном, от которого меня передергивает. — Надо будет тебе подписать пару бумаг.

— Зачем? — я прекрасно знаю ответ.

— О передаче твоих активов под мое доверительное управление, — говорит он невозмутимо, как будто обсуждает погоду. — Ты же не хочешь, чтобы уровень жизни семьи упал из-за твоей... неопытности.

«Семьи». Хороша семья. Он, мать, и я — нежеланный довесок.

— Не хочу, — все же соглашаюсь и на моем лице появляется кривая усмешка.

Я вижу, как в глазах отчима вспыхивает огонек. Он думает, что я веду, пусть так и будет.

— Тогда я договариваюсь о встрече?

— Я подумаю, — говорю я самым безразличным тоном, какой только могу изобразить.

Разворачиваюсь и, не прощаясь, ухожу, захлопывая за собой дверь. Сердце бешено колотится в груди. Я не собираюсь ничего подписывать. Ничего. Но сказать это ему в лицо... Сказать, значит объявить войну, к которой я еще не готов. И эта мысль, что я тупо боюсь последствий, горит внутри меня унижительным, ядовитым стыдом. Но другого выхода я пока не вижу.

Сажусь в машину и агрессивно стартую с места. Ярость кипит и ищет выход, рефлекторно нажимаю на газ, максимально увеличивая скорость. Руль под пальцами влажный, стискиваю его так, будто хочу выжать всю свою бессильную злость. На себя, на мать, которая предала меня и отца, ради этого уroda, на Лику и всю эту гребаную ситуацию между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.